

Василий Иванов

Я вернусь

12+

Василий Иванов

Я вернусь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837931

SelfPub; 2020

Аннотация

В данном произведении отображена удивительная история, построенная на основании реальных событий прошлого столетия. Ее главный герой – Василий Иванов, паренек из далекого якутского села, мальчик из многодетной семьи и приемный сын бездетных родителей. Ранняя юность которого пришлось на годы Великой Отечественной войны. Он был всего лишь одним из многих сыновей, кто ушел на фронт, поднявшись с учебной скамьи, но ему была уготована поистине удивительная судьба. История реальная, не пропагандистская и не разоблачительная: сельская довоенная жизнь, семейные воспоминания, послевоенная женитьба и мирная жизнь. Эта книга уместила в себе историю нашей страны, нашей республики, практически от самого ее начала и до наших дней.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

ПРЕДИСЛОВИЕ

— Я вернусь, мама! — свист пули над головой, вой осколков, лязг танковых гусениц, надсадный рев пикирующего бомбардировщика, щелчок мины под ногами...

— Я вернусь, мама! — скрип новеньких хромовых сапог, тяжесть погон на плечах, горечь 100 наркомовских грамм, дружеское плечо однополчанина...

— Вернусь, мама! — тяжелее дыхание умирающего товарища, боль от старых ран, вкус последнего куска хлеба, многолетняя усталость во всем теле...

— Я вернусь, мама! — грохот многопушечного салюта, ликующие крики, выстрелы в воздух, красное знамя над серыми куполами поверженной столицы...

— Я вернусь...

Василий Давыдович Иванов, 1923 года рождения. Сын, брат, муж, отец, дед и прадед. Ветеран-Фронтовик, коммунист, орденоседец, воин-гвардеец, бесстрашный милиционер и алмазник. Человек, прошедший самую страшную войну тысячелетия пешком, через пол-Европы. Он выжил, потому что верил — он обязательно вернется!

Он сражался на руинах Сталинграда и штурмовал стены Берлина. Его часть сторожила личный бункер фюрера и охраняла Потсдамскую конференцию. Он козырял Сталину с Жуковым и видел, как водружали флаг на Рейхстаг, где скрывался Гитлер до последнего часа...

Он награжден орденом Боевого Красного Знамени, меда-

лью «За боевые заслуги», освобождение нескольких столиц, в мирной жизни – орденом Октябрьской революции и множеством других знаков отличия.

Человек, по рассказам и воспоминаниям которого написана эта книга, которую вы сейчас держите в руках.

В его воспоминаниях уместилась вся история нашей страны, нашей республики, практически от самого начала и до наших дней. История реальная, не пропагандистская и не разоблачительная. Василий Давыдович из тех людей, которые верны себе до конца. Во всем.

Василий Давыдович рассказал обо всем, что видел, что знал и чему был свидетелем. Сельская довоенная жизнь, семейные воспоминания, послевоенная женитьба и мирная жизнь были четко отсечены от Войны. Есть грань, которая навсегда отрезает мир, жизнь от войны и смерти.

Великая Отечественная Война – это Молох XX век. Война длившаяся четыре года и унесшая свыше двадцати миллионов жизней, сломавшая и искалечившая еще больше. Война в которой советские люди бились за право на жизнь, за свободу от фашистского истребления и угнетения. Война, в которой самая могущественная и совершенная в истории человечества военная машина была повергнута в прах, уничтожена и разгромлена героизмом и отвагой простых людей.

Немало героических и трагических страниц в ее истории – разгром 1941 года, блокада Ленинграда, битва под Москвой, великое противостояние на Волге, Ржевская мясоруб-

ка, Курская дуга, Днепр, Балатон, Берлин... Эти слова огнем высечены в сердце каждого россиянина. И хочется, конечно хочется еще раз узнать, поточнее, поподробней – как это было?

Шуршал диктофон, скрипела ручка и каждое воспоминание Василия Давыдовича складывалось в отдельный рассказ для этой повести...

Часть I. Тонгсуо

Глава 1. Мама

Как часто на фронте во время самых жарких схваток, в минуты смертельной опасности я вспоминал дорогие сердцу черты моей матери... Ее образ был для меня спасительным маяком в этом кровавом месиве. Нет! Никогда я не мог допустить даже мысли, что погибну на поле боя, и моя бедная несчастная мать будет горько рыдать, получив похоронку.

«Я вернусь, мама», – говорил я дорогому образу в самых жарких схватках и, наверное, эта любовь к усыновившей меня женщине, ставшей мне ближе той, что произвела на белый свет, помогла мне остаться в живых. Я всегда был уверен, знал наверняка, что непременно выживу, вернусь домой и обниму самого близкого и родного человека...

Ее ласковые руки, нежный голос, добрые глаза я различал с первых минут, как начал помнить себя. Долгое время я не знал, что женщина, которую называю матерью, на самом деле таковой мне не приходится. Лишь спустя много лет рассказали, как меня усыновили...

Глава 2. В корзине для рыбы

Родился я в местности Чочу в Вилюйском улусе 24 ноября 1923 года в большой, но небогатой семье, пятым ребенком. Родной мой отец, по словам всех, кто его знал, не был, к сожалению, ни рачительным хозяином, ни добросовестным мужем, ни заботливым отцом. Даже женитьба и рождение детей не изменили его привычного уклада жизни, не возродили желания остепениться, как подобает добропорядочному семьянину, трудиться в поте лица для того, чтобы жена и дети жили в достатке.

Он был заядлым игроком в карты, и это увлечение манило его из дома в самые разные дали, безжалостно отрывая от семьи. С таким хозяином, мужем и отцом, наверное, родной моей матери, братьям и сестрам пришлось нелегко. Меня же от всех переживаний избавил случай.

Во время одной из очередных карточных отлучек отца Куйусутар Уйбаан, высокий, рослый полурусский старик, попросил моего родителя:

— Сын женился, а детей у молодых нет. Не отдашь ли младшего? Все же и вам легче, и мальчонке у нас будет хорошо. Вырастет в любви и ласке.

В те времена такие уговоры были вполне обыденным явлением, тем более мать, меня усыновившая приходилась нам дальней родственницей. Отец, рассказывали, подумал и ответил старику:

— Бери! Все же мы родственники теперь и живем недалеко друг от друга. Буду видеть, как сын мой растет. Считай, он у меня на глазах человеком станет.

Рядом с родной моей семьей в маленьком амбаре жил старик Тихон, который много лет спустя, рассказал, как меня, трехмесячного, укутанного в заячье одеяльце, положили в тымтай¹ – посудину для рыбы. Эту импровизированную люльку отец верхом повез за десять километров в новую семью сына Куйусутар Уйбаана и моей матери Матрены Семеновны Томской. С тех пор, как она вынула меня из корзины и развернула заячье одеяльце, мы стали самыми близкими и родными друг другу людьми. Тонгсуо²... Так из-за носа с горбинкой, меня любя прозвали в новой семье...

Глава 3. Счастливчик

Я много раз бывал на грани жизни и смерти. Наверное, каждый, кто прошел через пламя войны может сказать тоже самое. Но Безносая начала преследовать меня гораздо раньше, чем Гитлер напал на Советский Союз. Старуха с косою подстерегала меня еще в самом раннем детстве...

Маленьким я часто болел. Здоровых детей тогда, считай, и не было. Бытовые условия оставляли желать лучшего, медицины на селе не существовало. За первые три года жизни я был на грани между жизнью и смертью ровно три раза.

¹ Тымтай (як.) – Корзина для рыбы

² Тонгсуо (як.) – Производное от слова «клюв»

Сначала была эпидемия кори. В тот год умерло столько детей, что в церкви окрестили в одно время двенадцать детей из всей округи. Мы с Анисией Дмитриевой, с которой родились в один день, в один день и крестились, а позже еще и учились в одном классе. Родители не раз вспоминали обстоятельства, при которых нас крестили, как умирали один за другим дети от эпидемии, а мы выжили... Это было первым испытанием для моих новых родителей.

Ослабленный перенесенной корью, я в скором времени подхватил новую напасть – воспаление легких. Мать потом не могла без слез вспоминать, как не отходила от моей кровати ни на шаг, стерегла мое прерывистое тяжелое дыхание, шептала про себя заговоры и молитвы.

А мне становилось все хуже и хуже: я таял, сторал, как свечка и близким пришлось смириться с этим, они приготовились проститься со мной навсегда. Мама горевала и днем, и ночью, оплакивая меня еще живого...

В ту пору к нам приезжала родственница, которую уважительно звали Эдьий³³ Дайя. Дарья была особенная женщина, умела предсказывать будущее, исцеляла от недугов.

— Дай мне что-нибудь из его одежды, – попросила она у матери. – Положу под подушку, да и посмотрю во сне: выживет ли ваш сын.

На другой день Эдьий Дайя проснулась радостной и сказала:

³³ Эдьий (як.) – Тетя или старшая сестра

— Не плачьте понапрасну, он у вас очень счастливый.

Вскоре я пошел на поправку. Этот чудесный случай моя мать вспоминала потом не раз, и твердила про себя как заклинание:

— Он счастливый! Очень счастливый!

В первые годы моей жизни заговор довелось произнести еще один раз, когда спустя какое-то время, я вновь тяжело заболел, на сей раз коклюшем. И я снова почти умер, но сумел выкарабкаться из цепких объятий смерти, пожертвовав, разве что хорошим зрением.

А к трем годам я был здоровым озорным карапузом на радость матери и отцу. В таком возрасте можно было уже вздохнуть с облегчением: «Сын наш человеком стал, будет жить!»

Глава 4. Смерть отца

Отца, усыновившего меня, звали Михаил Иванович Андреев. Они с моей матерью жили мирно, ладили, можно сказать любили друг друга. Меня он тоже любил, как родного, и все вместе мы были счастливы. Но наше тихое безмятежное семейное счастье, как все хорошее в этом мире, длилось недолго.

Мне было три года, когда отец поздней осенью собрался на охоту. Он был физически крепким мужчиной, очень любил охотиться, рыбачить. Я смутно помню его облик, свою привязанность к нему, большие руки, пахнущие табаком.

С охоты он не вернулся. Мать рассказывала, что в тот несчастный день я вел себя довольно странно. Нашел отцовскую трубку, сосал ее, не выпуская из рук, и очень горько плакал. Трубку пытались отобрать, но безуспешно. Странное поведение обеспокоило всех домашних, тем более отец задерживался на охоте, что случалось крайне редко. Недобрые предчувствия обернулись несчастьем.

Вскоре принесли черную весть, что отец наш безвременно погиб. Люди рассказывали, что, переходя через озеро, он провалился под лед, зацепился за кромку полыньи якутским ножом и кричал, зовя на помощь, пока не охрип. Когда его нашли, он был еще жив, но весь заоченел от холода. Спасти его не удалось. Мы осиротели...

Глава 5. Женихи

В те времена одинокой женщине с маленьким ребенком было трудно выжить без мужа: кормильца и добытчика. Поэтому, когда к матери посватался пожилой вдовец Ыгдаа Петров с тремя детьми, она согласилась выйти за него замуж. Но наладить семейную жизнь с ним тоже не удалось – спустя некоторое время новый отчим тяжело заболел. Он не мог принимать пищу, лечивший его доктор Львов поставил диагноз – непроходимость желудка. Питался он через трубку, но состояние не улучшалось. Этой же зимой Ыгдаа умер. Так мы осиротели во второй раз.

Моя мама отличалась трудолюбием, спокойным и тихим

нравом, к тому же она была красивой и еще не старой женщиной. Многие одинокие мужчины были бы не прочь жениться на такой вдове.

Весной того же года, после смерти моего второго отчима к матери посватался русский старик Константин Жирков по прозвищу Кукаарыс. Был он из Вилюйска, из местных казаков. На самом деле ему было немного за пятьдесят лет, но бородатый и седовласый он тогда казался мне, ребенку, глубоким старцем. Старик Кукаарыс долго обхаживал мать, регулярно навещая, привозя подарки и ей, и мне. Больше всего мне запомнились хрустящие сладкие вафли, которыми он меня угощал. Я никогда до этого не ел сладостей, потому старик Кукаарыс легко подкупил меня. Видя наше дружеское общение, мать не стала отнекиваться...

В город Вилюйск мы переехали по осени, уладив все дела со своим небольшим хозяйством. У нас с матерью было три коровы, один бык и кобылица. Пристроив их родственникам, мы выехали в Вилюйск. Дом старика Кукаарыса, бревенчатая русская изба находилась рядом с церковью. Дом был большой, непривычный после нашей маленькой якутской юрты. Скотины у Кукаарыса не было, но, исследуя его двор, я обнаружил старый заброшенный хлев. Наверное, было время, когда и он держал коров.

В Вилюйске я пошел в детский сад. Жизнь в городе была совсем другая, нежели в деревне. Но я почему-то помню это время весьма смутно. Помню, что тятя, так я называл стари-

ка, зимой серьезно занедужил. Помню даже фамилию врача, который его лечил – Потапов. Он был известным в свое время доктором, жил и работал в разных районах Якутии. Многие люди нашего поколения поминают его добрыми словами. Он дал тятю направление на лечение в город Якутск, Кукаарыс уехал и... исчез. Не было от него ни весточки, ни косточки. Кто-то говорил, что он уехал на историческую родину, кто-то говорил, что он умер в больнице, а мы с матерью ничего о нем не знали. Кое-как пережили зиму, а летом собрали свои нехитрые пожитки и поехали туда, откуда прибыли.

После этого случая, я думаю, мама сама не верила, что когда-нибудь ей удастся устроить свою личную жизнь, найти любящего и заботливого отца для меня. Я уверен, что она всегда прежде всего думала обо мне. Иначе бы зачем молодая, красивая женщина стала бы выходить замуж за пожилых мужчин, почти стариков, какими были Кукаарыс и Ыгдаа? Она вступала в брак, чтобы вырастить меня, поставить на ноги, устроить мое будущее. Никогда в жизни, ни за что я не осудил бы ее за многобрачие, и никому не позволил бы этого сделать в моем присутствии. Может, и Господь Бог, видя чистоту ее души, послал ей наконец-то человека, который стал матери достойным и любящим мужем, а мне заботливым отцом.

Скотина наша до переезда в Вилуйск осталась у родственников, в далекой местности Харбалаах-Тэптэгин. Туда мы с мамой, после исчезновения казака Кукаарыса, и поехали.

В сайылыке⁴⁴ жило несколько семей. Взрослых и детей было много. Поводился к моей матери мужчина средних лет, невысокого роста. Звали его Давыдом. Я невзлюбил его с самого первого дня, как увидел. То ли, заметив его особое отношение к матери, и уловив ответную симпатию, я приревновал его к ней... Черт его знает! Помню, что невзлюбил его за что-то и очень крепко.

Он частенько заходил к нашим родственникам, часами разговаривал с моей матерью, помогал доить коров. Я считал, что такое поведение недостойно истинного мужчины. Любая работа со скотом считалась сугубо женской обязанностью. А когда я однажды застал его за жаркой оладий, неприязнь сменило еще более сильное чувство – презрение.

Помню, как сильно я досадовал, узнав, что нас с Давыдом связывают еще и кровные узы. Давыд был братом моей родной матери. Но тогда такие подробности мне не сообщали, поскольку в то время я еще не знал, что меня усыновили.

О родстве с Давыдом без подробностей о настоящих родителях, я узнал от матери. Как-то, заметив мой напряженный взгляд, устремленный на Давыда, мама подозвала меня и сказала:

— Давыд ведь твой дядя, сыночек...

— Не хочу такого маленького дядю! – угрюмо пробурчал я и, не дослушав, что ответит мама, выбежал из юрты, громко хлопнув дверью.

Не могу сказать, что такое известие изменило мое отношение к Давыду. Я продолжал его тихо ненавидеть, хотя с его стороны не было никаких оснований для возникновения столь резкой неприязни.

... Упрямылся я долго. А дядя Давыд лез вон из кожи, чтобы добиться моего расположения. Всячески заговаривал со мной, привозил подарки, учил всяким житейским премудростям. Но я по-прежнему глядел на него волчонком. Однажды дядя Давыд спросил:

— Хочешь погостить у бабушки с дедушкой?

Мои бабушка с дедушкой жили в пятидесяти километрах от местности, где мы провели лето. Я никогда их раньше не видел, поэтому любопытство взяло верх.

— Ладно, – снисходительно бросил я. – Съезжу с тобой.

Мы пустились в дорогу верхом. Помню, как проехали круглое, как лепешка, озеро, за которым раскинулась широкая пашня. За пашней находилось несколько дворов. Мы заехали в один, где стояли два дома. Один старый, другой поновее. В новом доме жили старик со старухой. Обстановка у них была небогатая, но все содержалось в чистоте и порядке. Нас приветили, как полагается встречать гостей, усадили за стол, налили чаю, выставили скромное угощение. Бабка долго смотрела на меня выцветшими глазами, потом сказала:

— Похож больше на Тихоновых... Бледный он какой-то!

Я обиделся. Какие еще Тихоновы, когда наша фамилия — Ивановы? И почему это я «какой-то бледный»? Обиделся я так сильно, что отодвинул чашку с чаем и отложил надкусанную оладью. Я не знал, что это фамилия моего родного отца, а привечавшие меня старики, родители моей родной матери. Все это я узнал позже и понял, что они имели тогда в виду: бабушка сказала, что я уродился больше в отца, чем в мать.

Бабка с дедом, по всей видимости, готовились к нашему приезду. Бабушка напекла оладий, дед нажарил на вертеле карасей. Печеную рыбу нам завернули с собой, чтобы мы дома угостили маму. Помню, ее положили прямо в заплечную корзину, поверх сырой рыбы, которую нам тоже дали с собой в качестве гостинцев.

На обратном пути в местности Дулгалах был отрезок, когда надо было идти по кочкам пешком. Давыд, нагруженный тымтаем с тяжелой рыбой, угодил ногой в ямку между кочками и упал. Вся рыба из корзины вывалилась прямо на траву. Живая затрепыхалась на мокрой траве, а печеная безучастно уставилась побелевшими глазами прямо в небо. Давыд долго возился, собирая разбросанную рыбу. Каждую рыбку отряхивал и аккуратно складывал обратно в корзину. Сложив гостинцы бабушки и деда, мы едва тронулись дальше, как, пройдя несколько шагов, Давыд снова оступился и упал, опрокинув тымтай с рыбой во второй раз. Я громко засмеялся:

— Ты все время падаешь, тебя надо прозвать Падающим (Охтор) Давыдом!

Давыд не стал меня ругать, лишь коротко бросил:

— Собери рыбу.

И молчал потом всю дорогу.

По приезду Давыда ждала еще одна неприятность. К матери за время нашего отсутствия приехал старик Кукаарыс. Завидев его, я нарочно радостно воскликнул:

— Тятя приехал!

И со всех ног помчался к Константину. Давыд огорчился, а я был доволен, как никогда. Я не хотел, чтобы Падающий Давыд был моим отцом...

Глава 7. Мой отец Давыд

Однако моим ожиданиям не суждено было сбыться. Мать отказалась ехать с тятьей в город. Сейчас я понимаю, что она задолго до его приезда сделала свой выбор, решила жить с Давыдом. Кукаарыс и упрашивал, и сердился, но уехал-таки ни с чем.

Однако счастьем матери резко воспротивился я. Мама уже не знала, как меня убедить, как заставить принять нового отчима. Однажды даже попросила:

— Сыночек, миленький, маленький мой Тонгсуо, давай возьмем Давыда в папы.

— Он же все время падает. Не хочу падающего отца! — отрезал я.

Даже огорченные, полные слез глаза матери не могли заставить меня изменить свое решение...

В сайылыке был всего один общий дом. Мы с матерью жили в одной из трех комнат. Кровать у нас тоже была одна. Я спал в ногах у матери. Однажды ночью я проснулся и увидел, что нас на кровати трое. Очевидно, когда я засыпал, к матери приходил из соседней комнаты Давыд, а утром уходил раньше, чем я проснусь. Увидев такое вероломство, я заголосил так, что проснулись даже собаки во дворе.

— Вы только посмотрите, люди добрые! Падающий Давыд к нам в постель забрался! А ну, уходи!

После случившегося позора, понятно, что мама с Давыдом не могли уже скрывать своих отношений. Они стали мужем и женой, а я все равно продолжал недолюбливать отчима. Он же никогда меня не ругал, всегда покупал подарки и гостинцы, а я их гордо отвергал. Я не принимал Давыда аж до 1939-го года, а сейчас, оглядываясь назад, думаю, что даже родные отцы редко любят своих детей так, как любил меня Давыд.

Глава 8. Белый пес

В детстве у меня был белый пес по кличке Магантык (Белек). Собаки умнее этой я не встречал больше на протяжении всей своей жизни. Стоит мне вспомнить о своей «золотой поре», как в памяти тут же оживает образ верного друга, как будто Магантык, живой и невредимый до сих пор носит-

ся где-то там по моему давно минувшему детству и каждый раз, когда я возвращаюсь туда в своих воспоминаниях, приветствует меня радостным лаем...

Это был замечательный прирожденный охотник. Отчим любил им похвастаться при каждом удобном случае: «Зачем тратить патроны на зайцев, когда есть такой пес?!» и демонстративно отказывался идти на охоту. Магантык в подтверждение этих слов регулярно приносил и оставлял на пороге аккуратно придушенную дичь: то жирных зайцев, то желторотых утят. Мама свежевала, ощипывала его добычу да нахваливала умного пса: «Ай да Магантык, ай да молодец, кормилец наш!»

Но любили мы его, конечно, не только за охотничьи качества. У пса было немало других достоинств, главное из которых – верность мне, своему маленькому хозяину.

Мне было лет девять, когда мы с белым псом были практически неразлучны: вместе купались, бегали по лесам и алаасам⁵⁵ от зари до позднего вечера. С ним я не боялся ни людей, ни зверей, ни абаасы⁶⁶. Никто на свете не посмел бы обидеть меня при моей собаке. С ним я мог смело пройти в сумерки мимо кладбища, старинных заброшенных юрт – «ётёхов»⁷⁷, которые мои сверстники и даже некоторые взрослые предпочитали обходить далеко стороной. Лишь бы

⁵⁵ Алаас (як.) – Круглый луг посреди леса с водоемом

⁶⁶ Абаасы (як.) – Злое потустороннее существо

⁷⁷ Ётёх (як.) – Старое заброшенное жильё

Магантык бежал рядом и размеренно махал своим пушистым хвостом, как будто подбадривая меня: «Идем, хозяин, идем».

Я любил играть с ним.

— Магантык! – кричал издалека, приближаясь к своему дому. И тут же во дворе, словно из под земли выросло белое пятно: это Магантык выскакивал из своего укрытия и прислушивался к зову хозяина. Завидев меня вдалеке, бросался навстречу, а я стремглав убежал от него к речке Чыбыыда, протекавшей недалеко от нашего дома и спешно прятался в кустах. Через некоторое время на берег выскакивал, радостный от предвкушения встречи, Магантык и с разбега плюхался прямо в воду, недоумевая, куда же я подевался.

А я выбегал из-за кустов и, смеясь во все горло, начинал улепетывать к дому от мокрого пса, попавшегося на уловку. Магантык громко лаял, словно досадовал на себя за очередную промашку, и в пару прыжков настигал меня, валил на землю и облизывал лицо. Мокрые, перепачканные, но дико счастливые, мы вместе возвращались домой...

Жили мы тогда в Верхневилуйском улусе, в местности Чёнгөрө. Магантык родился и вырос в тех местах. Говорят, что собаки привязываются к людям, а кошки к местности. В случае с моим белым псом, несмотря на нашу искреннюю привязанность друг к другу, все оказалось с точностью наоборот. Когда мы переехали в местность Тэптэгин, Магантык остался в Чёнгөрө один. Отчим два раза специально ез-

дил за ним, привозил, но пес неизменно возвращался обратно. Три года он жил там вдали от людей, а потом кто-то застрелил одинокого белого пса...

Когда я вспоминаю его, мне становится и радостно, и грустно. Радостно от воспоминаний о нашей жизни вместе, грустно от того, что он остался один. Как он жил эти три года без меня? Может, он каждый день ждал, что кто-то крикнет вдалеке: «Маганты-ык!» и бросится бежать к речке. Почему-то, вспоминая его, я не могу удержать слез.

Глава 9. Ученик-работник

В школу я пошел впервые лет в десять. Тогда многие отдавали детей учиться позже положенного возраста. Люди жили по алаасам, далеко от Сыдыбыла, где находилась ближайшая к нам школа. Отдать детей учиться вовремя в большинстве случаев мешало одно обстоятельство: родители не могли найти семью, согласную приютить их ребенка во время учебы в школе.

Но в моем случае было не так. После перенесенных в раннем детстве болезней, я был настолько маленьким и худосочным, что родителям все казалось, что еще рано отдавать меня в школу, что я не смогу жить в людях, быть самостоятельным.

Несмотря на длительную задержку, я был далеко не самым старшим в своем классе, были ребята и повзрослее меня. Почему-то почти все одноклассницы были старше нас,

мальчишек, на два-три года. Ох, и доставалось же нам от них порой, когда чересчур шалили!

В школе я слыл егзой и непоседой. Девчонок дразнил, много шалил, баловался. Из уроков любил родную литературу, язык, а вот по русскому языку и литературе откровенно «плавал».

Зимой я учился, а летом трудился в колхозе вместе с родителями. С двенадцати лет мне доверили двух быков, на которых я пахал и сеял наравне со взрослыми. До четырнадцати лет я работал за полтрудодня. Вместе с матерью и Давыдом мы зарабатывали до тысячи трудодней в год. Много работали, потому не бедствовали. Ели свой хлеб, держали трех коров. На столе у нас всегда были свои масло, сметана и молоко. Кроме этого мы сдавали государству по полторы туши мяса в год.

В четырнадцать я уже считался за взрослого, к тому времени научился управляться со сбруей, распрягать лошадь, ездить верхом. Потому я работал за полные трудодни на сенокосе. Работать мне было интересно, и трудились мы всегда с большой охотой. Моими мозолистыми ладонями больше всех гордилась моя мама. Для нее это было большим счастьем видеть, что ее сын стал настоящим трудовым человеком.

Глава 10. Хаабы

Сидел я за одной партой с будущим главой республики

Гавриилом Чиряевым. Конечно, тогда об этом мы и помыслить не могли. Просто дружили, к тому же он приходился мне родственником по линии приемной матери. Гавриила все звали Хаабы, а меня Тонгсуо. Так нас и поминали всегда вместе: «Хаабы с Тонгсуо» или «Тонгсуо с Хаабы». Был он очень тихим, любознательным, скромным учеником, хотя иногда мог и пошалить. Мальчишка же!

Я часто бывал в семье Хаабы и не переставал каждый раз удивляться. Отец его, Иосиф Чиряев, статный интеллигентный мужчина еще до революции учился в Казани на медика. Но на старших курсах, когда студентов начали учить делать операции на трупах, он понял, что не выносит вида крови, и вернулся на родину без диплома врача.

В 1935 году отца Хаабы выбрали председателем колхоза. Был он большой новатор. При нем появились в Сыдыбыле колхозные амбары, сельский клуб, первые типовые хотоны⁸⁷. Некоторым людям такие новшества были не по нраву и потому, когда в одном из хотонов повесилась доярка, на деятельного председателя составили донос, пытались обвинить его в случившемся, называли «врагом народа». Но судья закрыла дело, сняв все нелепые обвинения.

После этого случая семья Хаабы переехала в Вилуйск, куда перевезли свой большой дом. Когда они жили в Кэданде, держали огород, на котором сажали неведомые нам, диковинные овощи. Впервые в своей жизни

я попробовал дома у Хаабы огурцы. Они показались мне невкусными, горькими что я их выплюнул, но зато съел зараз четыре морковки. После этого у меня дико заболел живот. С тех пор я не ем огурцы и даже, будучи в армии, отказывался брать в рот хотя бы ломтик этого коварного овоща.

Глава 11. Как я узнал тайну своего рождения

Однажды, когда мне было лет двенадцать, я проходил мимо группы, собравшихся по какому-то поводу картежников. Один старик громко сказал:

— Хо! Да он же вылитый отец! Прямо как будто сам Хонооску собственной персоной мимо проходит!

Хонооску – было прозвище Афанасия Тихонова. Мне доводилось видеть этого заядлого картежника, которого я считал образцом разгильдяйства и лени, и поэтому меня до глубины души оскорбили слова старика.

— Никакой я не Хонооску! – крикнул ему в ответ и убежал.

— И такой же вспыльчивый! – загоготала мне вслед честная компания.

Я был зол, как черт. Дома, возмущенный и оскорбленный я тут же пожаловался матери на глупое сравнение с пройдохой-картежником.

— Они называли меня сыном Хонооску! – Гневно кричал я, размахивая руками.

У мамы вдруг сразу поникли брови, опустились плечи. Перемена в ее облике настолько бросалась в глаза, что я тут же смолк.

— Что с тобой, мама? – спросил я.

— Дело в том, что Хонооску действительно твой отец, – горько вздохнула мама. Потом она, глядя мою вихрастую голову, поведала историю моего усыновления.

Я был потрясен до глубины души, не описать словами тех чувств, что терзали меня в тот миг... Но я все понял. Смог совладать с переживаниями и еще больше и сильнее полюбил свою, как оказалось, неродную маму.

Глава 12. За двадцать пять тысяч

После того как я узнал о том, что меня усыновили, я жутко злился, когда мне лишний раз об этом напоминали. Скажу больше, мне вообще не нравилось любое упоминание о моей родной семье.

Помню, когда я учился в четвертом классе, было какое-то распоряжение правительства, согласно которому семье, в которой было семеро и более детей, давали по двадцать пять тысяч рублей. Узнав об этом, мои родные родители решились переговорить с моими приемными матерью и отцом, чтобы я вернулся к ним на время, дабы они смогли получить эту огромную по тем временам сумму.

Денег тогда практически не было, все работали за трудодни, потому ажиотаж был довольно-таки большой. У Тихо-

новых, как на грех, было шестеро детей, а меня – седьмого, они, получалось, отдали на воспитание. Родная моя мать Прасковья Семеновна рожала семнадцать раз, но в живых остались только семеро детей вместе со мной.

Мама подумала, посоветовалась с Давыдом и согласилась, поскольку хотела хоть как-то помочь большой семье, которая из-за непутевого отца-картежника еле сводила концы с концами. Она позвала меня и робко, как будто стесняясь, рассказала об этой просьбе Тихоновых. Сказать, что я был в ярости, значит, ничего не сказать. Меня такое предложение возмутило до глубины души!

— Ты поживешь там пока учишься, ведь от Тихоновых до школы всего три версты, – увещевала меня моя добрая мама. – Глядишь, и нам будет легче. После того, как выплатят эти деньги, ты сразу к нам вернешься и, может быть, Тихоновы про тебя не забудут, дадут денег на новое хорошее пальто, шапку. Будешь у нас, как городской парень одет с иголки...

Бедная, добрая моя, милая мама! Она все думала, как бы я жил в мире со своими родными, был одет и обут не хуже других. А я знал, что разлука со мной для нее еще большее испытание, чем для меня. Ради матери, только из-за нее, я согласился на этот нечестный эксперимент.

...В отчем доме мне жилось плохо. Я каждый день ждал, когда же Тихоновым выдадут их несчастные двадцать пять тысяч, и я смогу вернуться обратно. Братья и сестры меня

не знали, не видели с рождения, потому особых родствен-ных чувств ко мне не испытывали. Старшие нередко меня обижали, а поскольку я и сам не отличался тихим нравом, и всегда мог постоять за себя с кулаками, семейные скандалы случались почти каждый день.

Родная моя мать всегда держалась со мной холодно. Ни разу за то время, что я жил у них, не погладила по голове, не приласкала, не защитила от нападок братьев. Отец, и тот пытался проявлять какую-то суровую заботу, но от него я не принимал никаких знаков внимания.

Однажды, когда мы ужинали, а еды в большой семье, как известно, много не бывает, один из старших братьев стащил у меня мясо прямо с тарелки. Я в тот момент зачем-то отвернулся, а когда хотел продолжить трапезу, обнаружил свой кусок на тарелке у брата. Недолго думая, я стукнул его по голове рукояткой ножа, которым собирался резать свою долю говядины. Брат ойкнул, схватился за голову и, увидев на ладони кровь, (тяжелая рукоятка рассекла кожу) заревел благим матом. Мать подскочила к столу, отобрала у меня нож и, прижимая к груди ревушего парня, начала причитать:

— Вы посмотрите, какого хулигана мы у себя приютили! Да он же чуть ребенка не убил!

Отец, к которому были обращены эти слова, оказался справедливей:

— Не голоси и не вмешивайся. Пусть дети сами разберутся! – таков был его вердикт.

Я прожил у Тихоновых до комиссии, пока оформляли все эти бумаги на двадцать пять тысяч. А потом сразу же уехал обратно, счастливый, что могу вернуться домой. Необходимые документы были собраны, Тихоновы остались ждать заветной суммы от государства.

— Мама, я приехал! – С такими словами прямо с порога я бросился к своей матери, по которой в родной семье скучал каждый день, а по ночам даже плакал в подушку, тайком от всех.

Мама всплакнула от радости. Прижала меня к себе, и мы долго молчали, счастливые, что разлука уже позади. Была весна, хотелось петь, летать от счастья, как на крыльях. Что еще нужно человеку в четырнадцать лет?

...Наступило зеленое лето. Пришла весточка из района, что обещанные деньги, эти двадцать пять тысяч рублей от советского правительства для многодетных семей нашли своих адресатов, в том числе и мою родную семью Тихоновых. Мама тогда позвала меня и сказала:

— Тоойуом⁹⁸ Тонгсуо, езжай-ка ты к Тихоновым. Говорят, они большие деньги получили. Попроси денег на костюм. Пусть хотя бы сотню рублей дадут. Осенью в школу нарядным пойдешь. А о работе пока не заботься, мы с отцом за тебя потрудимся.

Я отнекивался, как мог, но мама была непреклонна. Пришлось ехать.

... У Тихоновых жизнь была ключом. Еще во дворе я увидел распахнутую дверь амбара. Там отец со своими приятелями всю рубился в карты. Народу было много. В амбаре стоял шум и гам, через каждую минуту раздавались веселые выкрики картежников. «Всюду страда, – подумал я, – а они в карты режутся! Делать им нечего!». Даже не поздоровавшись с отцом, зашел в дом.

Дома была сестра Мавра и старший брат Никифор, который в ту пору уже начал работать писарем. Они меня встретили холодно, не высказали ни тени удивления, не спросили, зачем я приехал.

Три дня я прожил у Тихоновых и ни разу никто из родных не поинтересовался о цели моего визита в столь горячую пору. Я понял, что денег мне здесь не предложат, а просить самому язык не поворачивался. На четвертый день я встал, собрался и уехал, не сказав никому ни слова. И родные проводили меня ответным молчанием. Больше до окончания школы я у них не бывал. А матери дома сказал:

— Из этих двадцати пяти тысяч мне даже двадцати пяти копеек не дали! Стоило ли отрывать меня от работы для этой глупой затеи?

Мама горько улыбнулась, а потом, видимо только осознав, что мне удалось пережить, всплакнула:

— Ничего, милый мой, проживем! И костюм тебе сами справим, ты, главное, не переживай!

Глава 13. Далекие родные

Забегая вперед, я хочу рассказать о том, как сложились мои отношения с родной семьей в дальнейшем, чтобы более к этой теме не возвращаться...

В 1941 году, когда я заведовал в Сыдыбыле сельским клубом, мне снова довелось какое-то время пожить в отчем доме. Родная моя мать к тому времени уже два года как покоилась в сырой земле. Сказались семнадцать родов, беспокойная трудная жизнь с мужем-картежником. Она умерла рано даже по суровым меркам того нелегкого времени.

Отец после ее смерти пристрастился к выпивке. Никифор в то время работал в сельхозотделе в Вилюйске. Однажды я, в холодную погоду надел его старое пальто, которое нашел в амбаре. Поехал в нем в Вилюйск по работе. В районном центре решил проведать брата.

— А чего это ты мое пальто надел? — такими возмущенными словами с порога приветствовал меня Никифор.

Я ни слова, не говоря, снял пальто, бросил на кровать и захлопнул за собой дверь. Ушел прямо в пиджаке по первому снегу. У знакомых одолжил старый ватник, а обида на брата еще долго жгла мое сердце.

...Спал я у Тихоновых за перегородкой в комнате отца. Однажды он пришел ночью пьяный и стал горланить песни. Пел он, надо отдать должное, очень хорошо, но мне было недосуг наслаждаться его вокалом, поскольку рано утром надо было вставать и идти на работу.

— Афанасий, спи! – крикнул я отцу, затыкая подушкой уши.

— Нохоо¹⁰⁹, я ж тебе какой-никакой, но отец! Вот и называй меня отцом, а не Афанасием, – был его ответ.

— Отцом я тебя никогда не назову, – сказал я в пылу раздражения и добавил, чтобы обидеть его еще больше. – Ишь ты! Какой-то Хонооску моим отцом себя возомнил!

Отца это задело. Один из моих старших братьев работал в военкомате, носил военную форму. Отец схватил его ремень с тяжелой пряжкой и ворвался ко мне за перегородку с криком:

— А ну скидывай портки, я тебе всыплю за дерзкие слова!

Мне тогда было семнадцать лет, и я считал себя взрослым, которого этот полупьяный Хонооску решил пороть, как маленького мальчишку. Я вскочил на ноги и пнул пошатывающегося отца прямо в грудь. Он упал, потом поднялся. Взревев от ярости, он бросился на меня во второй раз, но я проворно убежал от него, схватив свою одежду. В тот же миг я оделся, собрал свои вещи и уехал домой, к матери и Давыду. Больше я в отчем доме никогда не был.

... Позже, из побежденного Берлина, я написал два письма. Одно со словами любви усыновившей меня женщине, моей горячо любимой матери, а второе было адресовано брату Никифору. А писал я его, по сути, для отца, отказавшегося от меня в раннем детстве. Родную мать я ни в чем не

винил и осуждал за то, что семья отказалась от меня, только отца. Впрочем, виноват он был в моих глазах не только за это, но и за то, что прожил свою жизнь беспутно, не заботясь о своей семье, жене, детях. Такого человека не хотелось называть отцом.

Я описал все свои подвиги, награды, звания. Приложил фотографию, где я красовался в парадной форме. «Теперь я воин-освободитель. Пройдя через огонь, воду и медные трубы я часто думаю о своем происхождении. Если вы признаете меня своим братом, я тоже готов признать вас своими родными. Но вашего отца, Хонооску, продавшего меня за быка, которого он потом проиграл в карты, я никогда не назову отцом. Не забуду, как, получив, благодаря мне, двадцать пять тысяч рублей, вы пожалели для меня двадцать пять копеек. Не могу забыть, как ты, Никифор, пожалел для меня свое старое пальто. Ты был взрослым тогда и потому считаю тебя виноватым...»

Все припомнил я в том письме. Излил всю горечь от обид, которые с детства терзали меня. Никифор потом рассказывал, что отец рыдал, читая мое письмо. В 1945 году он сильно приболел, а переживания, доставленные ему моим письмом, по словам братьев, окончательно подкосили его силы, и старик вскоре после этого умер.

Глава 14. Сыновний долг

Я не считаю себя каким-то извергом или жестоким сы-

ном... Я просто был суров, как все фронтовики, и не умел лукавить ни перед людьми, ни перед своей совестью. Родные простили меня, как и я простил им все, что испытал от них в детстве, отрочестве, молодости. Годы лечат, но суть дела от этого не меняется. В этом я уверен и могу сказать, прожив долгую и, на мой взгляд, очень счастливую жизнь...

На могиле родной матери я посадил в 1948 году молодые деревья и всегда, когда был в родных местах, навещал ее. В 1960 году еле отыскал могилу и место захоронения отца. Похоронены они с матерью были в разных местах. Приезжая на родину, я останавливался у брата Никифора. Отношения между нами с годами потеплели. Иногда я даже называл его убай¹¹10.

Однажды я упрекнул Никифора:

— Ты уважаемый на родине человек, а могилы наших родителей сравнялись с землей. Тебе не стыдно? Разве нельзя было хотя бы приличные надгробия им сделать?

Никифор ответил, что по-якутским обычаям обустроить могилу по прошествии трех лет не положено.

— Раз ты чтешь обычаи, я сам сделаю надгробия, потому что память родителей надо чтить больше, – ответил я и взялся за работу.

Смастерил надгробия я самостоятельно, поскольку любил и умел работать по дереву. Чтобы просить чужих не было ни денег, ни вина... На следующее лето установил на могилах

¹¹ 1 0 Убай (як.) – Старший брат

отца с матерью памятники с бронзовыми табличками, которые пришлось заказать в сувенирном цехе.

Ставить памятники поехали вместе с братом и его сыном Михаилом. На могиле матери уложили мраморную плиту с высеченной надписью: «Тихонова Прасковья Семеновна. Многодетная мать».

— Смотри, Михаил. Здесь покоится мать, которая никогда в жизни меня не погладила по голове, не улыбнулась мне – своему родному сыну. С 1948 года я ухаживаю за ее могилой, потому что уважаю ее, не смотря ни на что. И мое отношение к ней никогда не изменится, покуда я жив.

На могиле родного отца я высказался иначе:

— Этого человека я никогда не называл своим отцом, но я – его плоть и кровь, и потому сделал этот памятник.

Говорил ли я эти прямые резкие слова своему племяннику или адресовал их своим родителям? Это уже неважно. Слова и поступки – разные вещи...

Память о предках всегда должна жить в каждом человеке. Я обустроил таким же образом могилу усыновившей меня матери, и своего нелюбимого в детстве отчима Давыда, которого я искренне полюбил и понял это, встав взрослее, пройдя Великую Отечественную войну. Отыскал и справил надгробие я на могиле первого мужа моей матери – Петра Корякина. Сыновний долг надо исполнять и тогда, когда родителей давно нет в живых. Это свято.

Глава 15. Студенчество

Почему-то все мои одноклассники мечтали стать либо учителями, либо врачами, либо военными. А мне с детства нравились артисты. Что-то притягивало меня к этой творческой, суетной, живой профессии. Я не пропускал ни одного представления в колхозном клубе. Сидя в зрительном зале, жадно ловил каждый жест, движение, слово.

Поэтому после окончания семилетней школы вопрос о дальнейшем образовании был для меня решен. Я решил поступить в культурно-просветительское училище в Якутске. Мать с Давыдом не отговаривали, потому что для них всегда было важнее всего мое желание. Они собрали все что могли – семьдесят пять рублей, чтобы я в городе мог справиться себе обновки, купить учебные принадлежности.

— Тоойуом Тонгсуо, теперь ты взрослый. Смотри, учись прилежно, веди себя хорошо. Пусть у тебя появится много добрых и верных друзей, – напутствовала меня мама.

Были во время проводов и слезы, поскольку до окончания учебы я должен был оставаться в Якутске. Нам предстояла долгая разлука длиной в несколько лет. Преодолевать семьсот с лишним километров в те годы надо было на лошадях. Поездка была и затратной, и утомительной.

С завернутыми в тряпочку тремя двадцатипятирублевыми купюрами, осенью 1940 года я приехал в столицу нашей республики. Якутск тогда был преимущественно деревянным, во всех домах топили печи, поэтому в городе по-

стоянно пахло дымом. Но на меня, алаасного мальчишку, Якутск произвел неизгладимое впечатление. Множество высоких домов, людей, лошадей, собак...

Жить мне предстояло у родственницы из Нюрбы по фамилии Габышева. Муж ее находился под арестом. Он работал в «Якутзолоте», когда там вскрылось крупное хищение. Из-за регулярных обысков на дому мы жили в постоянном напряженном состоянии: прислушивались к каждому шороху за дверью.

В городе я пристрастился ходить в кинотеатр. Это было самое диковинное развлечение в те годы. На экране бурлила какая-то совершенно незнакомая нам жизнь, с неведомыми вещами, странными героями. Здесь, в этом чудном зрительном зале меня, как, оказалось, поджидала беда. Во время сеанса какой-то прохиндей украл у меня из кармана три заветные бумажки, завернутые в тряпочку. Плакали мои, с таким трудом собранные заботливыми родителями, скромные сбережения! Остался я без обновок, тетрадей и книжек...

Сетовать было некому, пришлось зарабатывать на жизнь самостоятельно. Мы с однокурсниками все свободное время ходили по домам на нынешней улице Орджоникидзе, предлагали наколоть горожанам дрова, натаскать лед, очистить двор от снега за пропитание или за вещи, редко – деньги. Без такой подработки на тридцать рублей стипендии прожить было невозможно.

На месте нынешней мэрии находилось двухэтажное дере-

вянное здание. Это было наше училище. Учились мы старательно, не пропускали занятий. Но как бы не интересно было в Якутске, вечерами я всегда вспоминал родных, гадал, что они сейчас делают.

А между тем жизнь текла размеренно, своим чередом. Я тогда, как и все кто меня окружал, не думал и не догадывался, что на нашу страну надвигается большая беда – война.

Часть II. Война

Глава 1. Сорок первый

Наступил 1941 год. К этому времени я уже привык к городской жизни, учебе, друзьям. Во время летних каникул, вопреки большому желанию, я не мог поехать домой, потому остался в городе.

День начала войны помню, как сейчас... Проснувшись в отличном расположении духа, я позавтракал, съев приличный кусок хлеба с маслом. Кругом было необычайно тихо, все куда-то ушли. Потом я оделся, вышел из дома и пошел гулять. В городе было непривычно пусто. Напротив нынешнего здания Министерства внутренних дел висел большой красный плакат. На надпись я не обратил никакого внимания.

На улице Орджоникидзе напротив репродуктора толпился народ. Все стояли, устремив глаза на репродуктор, откуда звучал размеренный, суровый голос Молотова: «22 июня

фашистские захватчики вероломно напали на Советский Союз». И тут я вспомнил кумачовый плакат, на котором было написано: «Смерть фашистским захватчикам!». Все люди молчали, забыты были все дела: кто куда шел и зачем. . . Весь народ разом преобразился. Не стало ни улыбок на лицах, ни сияющих глаз. Война! Началась война.

С этой поры с пропитанием в Якутске стало очень тяжело. Сразу ввели карточную систему. Вся наша стипендия уходила в фонд обороны страны. Но никто не сетовал, не роптал. Нам, приезжим деревенским мальчишкам, в такую суровую пору жить в городе стало невозможно. Закрылись ранее распахнутые двери горожан, никто более не нуждался в наших нехитрых услугах, да и платить людям за работу было нечем. Все голодали.

Глава 2. Доброволец

Но гораздо больше, чем пищи наши юношеские сердца жаждали попасть на фронт. Я бредил армией, рвался на войну с первых минут начала Великой Отечественной.

25 июня я пошел в военкомат, чтобы записаться добровольцем. Мне тогда было семнадцать лет, но для того, чтобы попасть на фронт, я бессовестно соврал, что родился в 1922 году. Если мне и удалось обмануть комиссию о своем возрасте, провести врачей не получилось. Я до этого перехворал малярией, и поэтому комиссия безжалостно отчислила меня из числа добровольцев. Никогда в жизни я не испыты-

вал такой душевной боли, как в миг, когда мне вручили белый билет, вместо призыва.

А выживать в городе с каждым днем становилось все труднее и труднее. Я понял, что надо ехать домой, иначе меня бы ждала здесь неминуемая голодная смерть. Осенью, напросившись к торговым подрядчикам в обоз, я уехал на родной Виллой.

Добрался через несколько месяцев исхудавший, полуживой, грязный и обовшивевший за время долгого и трудного пути. Семьсот километров протопал на своих двоих, по грязи и бездорожью, Бог весть, чем питаюсь. Засыпая, тряся от холода и вспоминал маму, Давыда. Сердце сжималось от желания поскорее их обнять.

Какой бы нескончаемой, долгой не была дорога, она рано или поздно имеет свой конец. Так и мой путь домой завершился встречей с родными людьми, объятиями, слезами, и радостью вперемешку с горечью материнских переживаний за любимого сына...

Глава 3. На фронт любой ценой

По возвращении меня назначили заведующим избой-читальней и клубом в Сыдыбыле. Работа не занимала меня, как было бы, наверное, в мирное время. Я жадно ловил новости с фронта и не оставлял попыток записаться добровольцем. Белый билет висел на мне ярмом, и, надо сказать, что не мне одному он портил жизнь. Еще четверо моих знакомых бело-

билетников отдали бы все, чтобы попасть на фронт. Весной нам наконец-то представился такой шанс.

В мае сорок второго в сельпо вывесили общую повестку на сорок призывников. Нас в этом списке не было, хотя двоих белобилетников из нашей компании на сей раз туда включили. Положение было отчаянное.

Лихорадочно раскинув мозгами, я заметил, что на листе еще оставалось пустое место для пары-тройки фамилий.

Тогда я решился на отчаянный шаг. Надоумил другого белобилетника Макара, который хорошо рисовал, вписать наши имена таким же почерком, каким был составлен список. Макар без труда подделал почерк и вписал в повестку себя, меня и моего двоюродного брата Мишу Иванова, девятнадцатилетнего парня.

Таким образом, мы втроем отправились в Вилюйск, где нам предстояло пройти военную комиссию. Когда я уезжал, мама плакала, просила, молилась каким-то силам, лишь бы меня не забирали в армию. А я в свою очередь требовал у всех айыы¹²¹ способствовать моей воле. Я был уверен, что непременно добьюсь своего.

Комиссия заседала в вилюйской средней школе. В коридоре толпились призывники. Едва дождавшись своей очереди, я влетел в кабинет. Там сидели трое членов комиссии и среди них, на мою голову, был наш председатель райсовета Николай Спиридонович. Увидев меня, он сразу указал на

дверь.

— Иди домой!

Мишу тоже прогнали. На второй день работы комиссии я еще раз пришел в школу с надеждой, что председателя сегодня там не будет. Но к моему разочарованию он снова восседал за коммиссионным столом. Я ушел домой не солоно хлебавши, даже не попытавшись войти в кабинет.

На третий день председателя в школе не было и я, лелея надежду, вновь предстал перед комиссией. Признаться, даже в отсутствие председателя мои шансы были невелики. Злощастная малярия, слабое зрение после перенесенной в детстве кори, юный возраст – все было против меня!

Председателем комиссии в тот день был врач Шеметов. Он велел мне подтянуться на финском турнике, пробежать несколько кругов, послушал легкие, измерил пульс. Физически я был крепок, потому задания выполнил без особого труда. Подвести меня могло только слабое зрение. С волнением я ждал когда начнут проверять зоркость. А видел я, прямо скажем, неважно.

Шеметов, как мне кажется сейчас, догадывался о том, что я плохо вижу. Но знал он также, что я не в первый раз рвусь добровольцем и своих попыток не оставлю, даже если эта комиссия в очередной раз мне откажет. Он недолго подумал, прежде чем приступить к обязательной процедуре проверки зрения.

— А сосчитай-ка мне, дорогой мой призывник, сколько

роликов на проводе над зданием почты, – спросил доктор.

Здание почты стояло в пятидесяти метрах от школы и было видно из окна. Количество этих роликов я знал с самого детства, с тех пор как впервые приехал в Вилюйск. Все местные мальчишки это знали.

— Двенадцать, товарищ председатель комиссии! – гаркнул я, как заправский военный.

— Зрение, так и запишем, отличное, – улыбнулся доктор Шеметов. – А теперь посиди в сторонке, а мы посовещаемся.

Я сел на стул и стал во все глаза наблюдать за членами комиссии. Было видно, что Шеметов доказывает настроенным против моего призыва коллегам, что я годен. «У нас недобор», «мы не выполняем план», – долетали до меня обрывки их разговора.

Потом Шеметов пригласил меня к столу и спросил, глядя в глаза:

— А скажи мне, пожалуйста, ты действительно настолько сильно хочешь воевать?

— Так точно! – ответил я и тихо добавил. – Очень хочу.

— Призывник Иванов, вы молодец! Такие солдаты нужны нашей родине, – сказал доктор и пожал мне руку.

Если бы не врожденная якутская сдержанность в проявлении чувств, я бы расцеловал Шеметова в обе щеки. Из школы я не шел, а мчался, летел, как на крыльях! Духи, которым я молился, оказались могущественней духов моей матери.

В Вилюйске я остановился у родственников. Мне выдели-

ли нары в сарае, на которых я расстелил нехитрые спальные принадлежности: тюфяк из маминой шали, да подушечку. Каково же было мое удивление, когда я, вбежав в каморку, обнаружил там маму.

Материнское сердце подсказало ей, что на сей раз комиссия даст мне добро. Самый близкий, родной мой человечек, бросила все дела, отпросилась с работы, что было тогда под стать подвигу, и приехала в Вилюйск, проститься с сыном.

Она сидела на нарах, уткнувшись в мой свернутый тюфяк лицом и, ее худые маленькие плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Никогда мне не забыть, какая небывалая волна жалости захлестнула тогда мое юношеское сердце. Я обнял маму, прослезился и, утешая разрыдавшуюся мать, повторял вновь и вновь:

— Я не умру, мама, ты даже не бойся. Не смей думать о таком. Я сам убью немцев и вернусь домой с победой!

А рассиживаться было некогда.

— Ты не плачь, мама, – сказал я, отнимая ее руки. – Меня ждут командиры, надо идти в училище. Там у нас место сбора.

А мама была безутешна. Она не могла ни говорить, ни оторваться от моей груди, к которой она прильнула, как ей казалось, в последний раз...

Глава 4. Путь-дорога

Я ушел на фронт в июне 1942 года. Мать собирала меня в

дорогу, поливая слезами всю нехитрую провизию: лепешки, масло в туеске... В те голодные военные годы трудно было достать хоть какую-то еду. Провожать меня мать не приехала: надо было работать, да и не выдержала бы она очередного душераздирающего прощания.

Нас повезли на двух баржах по Вилюю. Забрали призывников из Верхневилуйска, Нюрбы, Сунтар. Кормили в пути хорошо, варили в бочках суп, кашу. Хлеба было вдоволь. Приплыли в Якутск.

В Якутске устроили перевалочный пункт. Пока ждали теплоход, отбивший в Оленек, нас помыли в бане. Желаящие во время ожидания вновь проходили врачебную комиссию. Были редкие товарищи, кто не хотел ехать на фронт, для них это был шанс остаться на родине. Кое-кто им воспользовался. А мне на сей раз удалось благополучно избежать очередного комиссионного сита.

Отплывали мы на трехэтажном теплоходе «Надежда Крупская» от причала напротив нынешней площади Победы. Провожали нас торжественно, с музыкой и цветами. Теплоход был битком набит призывниками. Счастье, если удалось прилечь во время сна. Спали сидя. Кроме нас, вилюйчан, на теплоход посадили десяток человек из Якутска. Более вместить не удалось.

Мы плыли до самого Усть-Кута. Оттуда ехали до Саянска на полупорках. Вот где была адская тряска! Из Саянска по мосту пешком переправились в Иркутск-2, где недалеко от

города была сформирована большая мобилизационная база, куда стекались реки, речки и ручейки призывников с Дальнего Востока и Якутии.

В Иркутске призывникам устроили банно-прачечный день. Я, надо отметить, всегда тщательно следил за своей внешностью, любил хорошо одеваться, всегда был опрятен. В ту пору я отрастил чудную шевелюру, которой весьма дорожил. А тут объявили, что всех будут стричь наголо. Про себя я подумал: «Помоюсь-то с удовольствием, а вот стричь себя не дам».

Но порядок из-за моих прихотей никто нарушать не собирался. Молодой лейтенант, не взирая на мое решительное «нет», пошел прямо на меня с машинкой в руке, как заправский боец. Я увернулся от цепкой хватки, схватил мокрый веник и начал яростно махать им в разные стороны. Когда от веника остались жалкие прутики, схватил шайку с водой и обливал нападающих.

Ловили меня по всей бане, зажали в углу, скрутили и тут же, силой начали сбривать мою густую шевелюру. Я вцепился в шайку, как утопающий за спасательный круг. Я бился в безжалостных руках, крутил головой, ругался на чем свет стоит и по-русски, и по-якутски, отчаянно пинался ногами и махал шайкой. Во время обороны нечаянно заехал лейтенанту шайкой прямо по физиономии. Разумеется, после этого меня скрутили с удвоенными силами. Но тут, на мое счастье, возмутились другие призывники.

— Вы чего над человеком издеваетесь! – Пробасил рослый мужчина с усами, возмущенно потрясая мокрой шайкой. – Что ж вы его как зверя-то скрутили? Стригите по человечески!

После потасовки в бане меня определили в вагон-карцер. Тут сидели еще пять бедолаг, которые, как и я, выказали дикую непокорность. Везли нас до самого Новосибирска, не выпуская на свет Божий. Хотя вагон и назывался карцером, кормили нас хорошо, давали хлеб, суп и кашу. Все, что положено.

С таких приключений началась долгая дорога на фронт.

Глава 5. Живые скелеты

В Новосибирске пленникам вагона-карцера наконец-то разрешили выйти из вагона. Огромный городской железнодорожный вокзал мне показался сказочным дворцом. Даже в Олонхо^{13 12} не воспевали таких домов! Я вновь и вновь обходил могущественное строение, задираю голову и считал этажи. В Якутске мне доводилось видеть лишь двухэтажные строения, поэтому я никак не мог представить, какой же человек мог жить в таком большом каменном доме! Более просвещенные земляки объяснили мне, что это вокзал, и здесь никто не живет.

Людей на вокзале было много, но я не обращал на них никакого внимания, с жадностью рассматривая внутреннюю

отделку каменных сводов. Лишь выйдя на перрон, обратил внимание на странную пару. С виду это были высокие скелеты, обтянутые кожей. Впалые щеки, торчащие из под тонких бескровных губ огромные зубы и печальные глаза без ресниц, ужаснули меня до глубины души. Они были абсолютно лысые, и лишь по платьям я догадался, что передо мной стояли женщины. Оказалось, что это была группа вывезенных из блокадного Ленинграда девушек. Их эвакуировали в Челябинск. Живые мертвецы – иными словами встреченных незнакомок не назвать.

Я так перепугался, что быстро вернулся в вагон, хотя планировал продолжить экскурсию по железнодорожному вокзалу. Ни увиденные потом на войне настоящие трупы, ни вывернутые кишки, ни оторванные конечности не могут затмить ужаса, который на меня произвели эти девушки-скелеты... «Так, наверное, подумал я, выглядит сама Смерть».

Я еще не знал, что больше полумиллиона ленинградцев умрут в блокаду от голода, что в Ленинграде люди умирают от голода каждый час, что шоферы «Дороги жизни» выбиваются из сил, поставляя продовольствие в осажденный город. Я только сейчас окунулся в войну по-настоящему и первым ее зримым воплощением оказались эвакуированные ленинградки.

Глава 6. Картошка

Едва мы отъехали от Новосибирска, как у меня заболел

живот. Поел чего-то холодного, а потом скрутило так, что три дня не мог ни есть, ни пить. Ослаб так, что ноги дрожали, когда я предпринимал попытки подняться. На одной из станций нас, приболевших призывников, отсеяли от основной массы. Я успел отдать свои пожитки земляку, чтобы не потерять их в больнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.